

крѣпость даетъ молитва!.. „Ничего нѣтъ сильнѣе теплой и усердной молитвы“,— говоритъ св. Златоустъ..

Сколько разъ я это испытала!.. Припадешь къ Богу, печаль свою передъ Нимъ возвѣстишь, и почувствуешь, какъ превозносится отъ Него сила, наполняетъ душу, и вотъ—отходишь отъ молитвы спокойной, неустрашимой, готовой, кажется, на все..

А вѣдь я знаю, какая я слабая и малодушная сама по себѣ..

„Крѣпость и пѣніе мое—Господь и бысть мнѣ во спасеніе“!..

„Кто дастъ ми крыльѣ, яко голубинѣ, и полечу и почию?.. Се, удалихся бѣгая, и водворихся въ пустынь; чаяхъ Бога, спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури“!..

Такъ понятно это желаніе душъ боголюбивой!.. Но гдѣ нынѣ пустыня?!... И всѣ ли могутъ спастись въ пустынь?..

Если душа твоя жаждетъ Бога и ищетъ пустыни, чтобы удобнѣе было искать Бога, ищи эту пустыню въ себѣ самой,—въ душѣ своей ищи Бога... Эта одна намъ слабымъ нынѣ пустыня!..

Человѣкъ двойственъ,—состоитъ изъ души и тѣла. Итакъ возможно имѣть въ душѣ пустыню и среди міра сего находясь.. Надо только стараться уединяться въ своемъ уголкѣ.. «Домъ твой и уединеніе да будетъ тебѣ вмѣсто монастыря»,—нищеть Святитель Тихонъ!..

Я не была монахиней никогда, но о. Варнава называлъ меня матерью, старницей, подвижницей!.. Слѣдовательно, и живя въ міру, можно жить какъ въ монастырѣ и пустынь; и, безъ ярая и клобука, быть монахиней!.. Душевная пустыня есть оставленіе сердцемъ всего для взысканія Бога!..

Окружающія волны мірской шумной жизни какъ—то способствуютъ уединенію человѣка внутри себя, если душа его чужда міра!.. Онъ не сочувствуетъ интересамъ міра сего, не сочувствуетъ и ему міръ,—даже совершенно неспонимаетъ его,—и это непониманіе становится стѣною между нимъ и міромъ!.. Не входя по возможности, въ мірскія сношенія, не влетаешь въ смуту многихъ дѣлъ и заботъ, не ища въ мірѣ ничего, онъ, естественно, презираемъ есть отъ міра, какъ человѣкъ ничего незначащій, какъ бы ни къ чему не годный!.. Міръ не видитъ его внутренней, незримой жизни во Христвѣ, не знаетъ его дѣятельности, а потому и не можетъ цѣнить его; и эта неизвѣстность служить боголюбцу безопаснымъ покровомъ смиренія, подъ которымъ благополучно зрѣеть въ немъ внутренней, потаенный сердца человѣкъ!..

Итакъ, можно быть пустыннокомъ и безъ пустыни!..

Гдѣ для души найдется нынѣ Покой отъ суеты мірекой?

Гдѣ, гдѣ безмолвная пустыня, Которой жаждетъ такъ духъ мой?..

Шумъ, говоръ, смѣхъ, дѣла людскія!..

Усталъ отъ нихъ, измученъ я!..

Не нужны блага мнѣ земныя!..

Иная жизнь влечетъ меня!..

Хотѣлъ бы я домовъ высокихъ—

Не видѣть—улицъ предъ собою:

Чтобъ зрѣть мнѣ въ даль полей широкихъ,

Чтобъ небо было надо мною!..

Но нѣтъ отхода!.. Божьей волей

Мнѣ суждено среди міра жить!..

Я долженъ примириться съ долей, въ которую

И чашу всю до дна испить!..

Но, о душа моя!—и нынѣ,—

Среди шума міра, суеты,—

Иная ждетъ тебя пустыня,

Чтобъ въ ней отъ міра скрылась ты!..

Внутри себя найдешь ты Бога,

А съ Нимъ—и небо и просторъ!..

Въ тебѣ самой лежитъ дорога,

Ведущая къ вершинѣ горъ!..

Не слышно здѣсь земного шума;

Не видно суеты людской;

О Богъ здѣсь святая дума

Даетъ блаженство и покой!..

И эта дивная пустыня

Среди міра намъ еще милѣ!..

Въ ней и спасайся ты отънынѣ,—

Живи незримо для людей!..

Развитіе наше, особенно же—совершенствованіе нравственное—не можетъ совершаться безболѣзненно!.. Это не то, что развитіе, наприм., растенія. Мы—существа, созданныя разумными и свободными; слѣдовательно, безъ собственныхъ усилій, труда, борьбы страданій, совершенствоваться не можемъ!.. Чѣмъ серьезнѣе человѣкъ, чѣмъ сознательнѣе относится онъ къ себѣ и ко всему его окружающему, встрѣчающемуся съ нимъ, тѣмъ болѣе онъ страдаетъ. Кто-то сказалъ: „Чѣмъ больше вы человѣкъ, тѣмъ сильнѣе ваша тоска“!.. Только легкія натуры легко ко всему относятся; но за то онѣ болѣею частью бываютъ пустоцвѣтомъ!..

Ахъ, какимъ прекраснымъ можетъ быть человекъ и какъ высоко его назначеніе, а вѣдь къ этому приводятъ его страданія!.. Итакъ, не надо бояться труда и страданій!.. Пострадаемъ, а потомъ возрадуемся!..

А. Г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

IV.

Проводы священника Константина Гавріиловича Леонидова.

Въ воскресенье, 23 чис. августа мѣсяца, текущаго года, состоялись проводы священника г. Сердобека соборной Михаило Архангельской церкви о. Константина Гавріиловича Леонидова, перемѣщеннаго въ г. Саратовъ къ Александро-Невскому Кафедральному собору. Въ означенный день о. Константинъ слу-

жилъ послѣднюю литургію въ Сердобскомъ Соборномъ храмѣ въ особенно благоговѣйномъ настроеніи, хотя это свойство присуще ему было при каждомъ его служеніи божественной литургіи, и видимо мысль о разлукѣ волновала его душу и вызвала у него слезы на глазахъ. По окончаніи литургіи, когда настало время возгласа—благословеніе Господне на васъ—, о. Константинъ, подойдя къ протоіерею А. К. Образцову, сказалъ: «Волненія и слезы препятствуютъ мнѣ говорить прощу васъ замѣнить меня прочтеніемъ моего прошальнаго привѣтствія». О. протоіерей, выйдя на амвонъ придѣльнаго алтаря, такъ какъ главный алтарь и весь храмъ оставленъ тѣсами для производства живописныхъ работъ, приблизительно сказалъ: «Какъ извѣстно, о. Константинъ совершилъ сегодня послѣдній разъ Божественную Литургію въ семь святомъ храмѣ и уходитъ отъ насъ въ городъ Саратовъ на служеніе въ Каедральномъ Соборѣ и слѣдовательно оставляетъ г. Сердобскъ, гдѣ онъ выросъ, провелъ золотое дѣтство и жизнерадостное отрочество и гдѣ наконецъ трудился на пастырскомъ поприщѣ болѣе 10 лѣтъ: здѣсь въ городѣ его родители и другіе близкіе, кровные родственники и вотъ, волею Божіею, приходится разстаться съ дорогими родителями и родными, а также и съ пастовою, и нами—сослуживцами его. Сумма такого рода обстоятельство таковыя его впечатлительную душу настолько, что онъ, отъ переполненныхъ чувствъ, не можетъ лично обратиться къ вамъ, предстоящимъ въ семь храмѣ, съ послѣднимъ прощальнымъ своимъ привѣтствіемъ, которое есть слѣдующее: „Прости, возлюбленная дорогая моя паства, что въ настоящей торжественнопечальный день разлуки съ тобою обращаюсь къ тебѣ не съ устнымъ прощальнымъ привѣтствіемъ, а письменнымъ посланіемъ. Причина тому—то невыразимое зловми состояніе и волненіе, которое теперь испытываетъ душа моя. Языкъ не повинуется, сердце волнуется... Десять лѣтъ тому назадъ, въ семь же мѣсяцъ августъ, радостно вступалъ я подъ сѣнь Сердобскаго Соборнаго храма и вышелъ на пастырское дѣланіе въ его приходѣ. Нынѣ опечаленнымъ ихожу изъ него. При первомъ служеніи въ Соборѣ просилъ я молитвъ вашихъ о себѣ, да изведетъ меня Господь на пастырское вамъ служеніе и да положить Онъ мнѣ право править слово Его Божественной истины. Нынѣ вижу я, что благодать Божія не тща во мнѣ бысть, но что паче многихъ судилъ мнѣ Господь потрудиться въ приходѣ Соборнаго храма г. Сердобска. Я отдалъ пастырскому служенію въ немъ лучшія молодя силы свои и... свидѣтельствуюсь предъ Богомъ, стремился съ одному—вести себя и васъ ко спасенію.—Много терній, много огорченій и разнаго рода оскорбленій встрѣчалъ я на этомъ тѣсномъ пути (теперь и за нихъ благодарю Господа Бога Моего), но много и радости чисто духовной судилъ мнѣ Господь испытать на семь пастырскомъ дѣланіи,—той самой радости, какову обѣщалъ Господь Иисусъ Христосъ своимъ ученикамъ въ ихъ апостольскомъ служеніи и о которой говорилъ: *да радость ваша будетъ исполнена въ себѣ и радости*

сея никтоже возметъ отъ васъ. И теперь—при прощаніи съ вами, два чувства борются во мнѣ: чувство радости духовной и острое, щемящее чувство горечи, сожалѣнія... Радуюсь вашему доброму ко мнѣ расположенію: въ эти послѣдніе дни пришлось мнѣ слышать много искреннихъ сожалѣній о своемъ уходѣ, видѣть много непритворныхъ слезъ и даже получать на память вещественныя приношенія. Все это увѣряетъ меня въ томъ, что моя пастырская служба дѣлилась вами и не напрасно трудился я среди васъ. Глубоко скорблю, разставаясь съ вами, ибо и всегда разлука не легка, а здѣсь она, какъ послѣдняя, прощальная, еще болѣе тяжела. Примите отъ меня, возлюбленные, послѣдній пастырскій завѣтъ: стойте, братія, въ вѣрѣ отеческой, православной, апостольской; мужайтесь въ ея исповданіи и утверждайтесь. Миръ имѣйте между собою и Богъ мира и любви да будетъ со всѣми вами. Это есть кратцѣ то, къ чему я васъ призывалъ и чему поучалъ въ теченіи десятилѣтняго пастырскаго своего среди васъ служенія... И такъ,—прости соборный храмъ, предметъ моихъ искреннихъ заботъ и попеченій; простите, дорогіе мои сослуживцы по храму и не поминайте меня лихомъ; прости любезный киторъ сего соборнаго храма, искренно мною уважаемый и съ должною ревностію о храмѣ заботящійся; простите пѣвче, ибо часто ревнуя о славіи дома Божія, я выражалъ свое недовольство вами тогда, когда, казалось мнѣ, вы нарушали церковный уставъ и благочиніе; простите, добрые прихожане, все мои противъ васъ прегрѣшенія,вольныя и невольныя—въ словѣ, дѣлѣ или помышленіяхъ выразившіяся. Съ своей стороны отъ чистаго искренняго сердца прощаю всехъ и противъ меня прегрѣшившихъ и Богомъ свидѣтельствуюсь, что всехъ, даже враговъ моихъ, вмѣщаетъ нынѣ сердце мое своею любовію. Благословите меня на новое служеніе, куда призываюсь я волею Божіею и волеюемъ нашего благодѣйшаго архипастыря. Благословите и простите. Аминь». Во время чтенія весьма многіе плакали во всеуслышаніе. По прочтеніи о. протоіереемъ привѣтственной рѣчи, о. Константинъ съ заплаканными глазами вышелъ изъ алтаря на амвонъ, около котораго стояли г. градскій голова К. К. Карнеевъ и церковный староста В. П. Поповъ, державшій въ своихъ рукахъ, довольно большого размѣра Икону Казанской Божіей Матери, съ металлической дощечкой, на которой сдѣлана надлежащая надпись, а г. градскій голова привѣтствовалъ слѣдующимъ адресомъ:

„Достоважаемый о. Константинъ Гавриловичъ!
 Просвященствовавъ болѣе десяти лѣтъ въ нашемъ Михаило-Архангельскомъ гор. Сердобска соборѣ, Вы всегда отличались образцово-примѣрнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, чѣмъ приобрѣли нашу безпредѣльную духовную любовь и наше глубокое уваженіе. Нынѣ, по волѣ нашего высокопочитаемаго архипастыря епископа Гермогена, Вы оставляете насъ, получивъ болѣе высокой священнической постъ въ губернекомъ Каедральномъ Соборѣ. Вы, достоважаемый о. Константинъ Гавриловичъ, въ нашемъ городѣ провели са-

мые лучшіе молодые годы Вашей священнической дѣятельности, о которой въ сердцахъ нашихъ остается самое отрадное воспоминаніе, поему смѣемъ надѣяться, что и на новомъ посту Вы не порвете духовнаго единенія съ нами. Въ знакъ духовнаго единенія, въ знакъ безпредѣльной любви и высокого уваженія къ Вамъ, о. Константинъ Гавриловичъ, просимъ Васъ принять подносимую нами святую икону «Казанской Божіей Матери» — да хранить Васъ Заступница усердная многія и многія лѣта». Въ отвѣтъ на поднесенный адресъ о. Константинъ сказалъ: „Глубоко тронуть прочитаннымъ адресомъ и поднесеніемъ святой иконы и искренно Васъ, добрые прихожане, за то и другое благодарю. Я радуюсь и тому, что поднесена вами мнѣ именно Казанская икона Божіей Матери, такъ какъ съ дѣтства благоговѣю предъ нею, устами и сердцемъ чту ея и лобызаю. Покровъ Царицы Небесной — усердной Заступницы рода христанскаго — да будетъ надъ богоспасаемымъ градомъ Сердобскомъ, надъ его соборнымъ храмомъ и надъ всѣми вами въ роды родовъ. Съ своей стороны, съ сего священнаго мѣста, торжественно обещаю непрестанно, до послѣдняго своего издыханія, молиться предъ сею иконою о себѣ и васъ, да даруетъ всѣмъ намъ Господь Богъ тѣлесное здравіе, душевное спасеніе и во всемъ благопослѣщеніе“.

По окончаніи о. протоіерей предложилъ предстоятелямъ, которыхъ было въ храмѣ на этотъ разъ особенно много, прослушать молебенъ Божіей Матери, въ служеніи котораго принимали участие, во главѣ съ о. протоіереемъ, священники, отъѣзжающій о. Леонидовъ, приходскій о. Преображенскій и заштатный священникъ — духовникъ Сердобскаго благочинія о. Соловьевъ. На сугубой ектеніи произнесены были діаконѣмъ Пемуровымъ прошенія о путешествующихъ съ упоминаніемъ іерея Константина. Затѣмъ прочтены, были съ колѣнопреклоненіемъ молитвы Божіей Матери и въ путешествіе. При отсутствіи о. протоіерей, осѣнивъ св. Крестомъ о. Константина, съ произнесеніемъ словъ „Благословеніе Господне да будетъ съ тобою“, братски воздалъ ему послѣднее цѣлованіе.

Такое торжественно-сердечное прощаніе пастыря съ пасомыми и сослуживцами даетъ основаніе думать, что христанская любовь и братское единеніе неизсякли еще въ средѣ православныхъ христанъ и что между пастырями православной Христовой Церкви есть и немало такихъ дѣятелей на нивѣ Христовой, которыхъ случайность какая либо дѣлаетъ извѣстными, да видятъ глумители Церкви Божіей и служителей ея, что носители священнаго сана не суть наемники, какъ въ послѣдніе, освободительно либеральные годы величались священнослужители, а истинные путеводители пастыри своей къ горнымъ селеніямъ. Такое служеніе пастырей Церкви высоко цѣнится православными Христанами, чему явнымъ доказательствомъ служатъ и проводы глубокоуважаемаго, истинно — добраго пастыря о. Константина, который при примѣрномъ своемъ поведеніи отличался особеннымъ трудолюбіемъ по службѣ церковной, всегда отправлявшейся имъ съ благовѣніемъ, не торопясь; въ силу чего при служеніи о.

Константина всегда было много молебновъ съ акафистами, которые вычитывались имъ безъ малѣйшихъ пропусковъ и торопливости. Когда онъ служилъ раннюю Литургію, по окончаніи ея съ крестомъ въ рукахъ, обыкновенно говорилъ изустное поученіе, которое при его мягкой интонаціи и сердечности всегда слушалось предстоящими въ Храмѣ съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ; онъ послѣ литургіи исполнялъ церковныя требоисправленія, не выходя изъ храма почти всегда до половины служенія поздней Литургіи. Сердечное отношеніе къ исполненію пастырскихъ обязанностей имѣло послѣдствіемъ то, что во дни великаго поста у о. Константина всегда была масса исповѣдниковъ, задерживавшихъ его до полунощнаго часа, а во время недѣльнаго его служенія отдалѣвшихъ начала Литургіи, не смотря на его заявленіе оставаться до слѣдующаго дня.*) Въ воскресные дни послѣ вечерняго богослуженія и чтенія акафиста Свят. Чудотвор. Николаю, о. Константинъ производилъ чтенія религиозно-нравственныхъ статей и велъ изустныя бесѣды. О. Константинъ имѣлъ силы трудиться, кромѣ неотложныхъ пастырскихъ обязанностей по приходу, еще по Законоучительству въ 4-хъ классномъ приходскомъ училищѣ и въ Женской Гимназіи, а также по дѣлопроизводству Отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, отъ котораго получалъ благодарности за аккуратное исполненіе дѣлопроизводства по Отдѣленію, занимая въ послѣднемъ еще должности казначея и бібліотекаря. Помимо этого онъ исполнялъ разнаго рода порученія Епархіальнаго Начальства и мѣстнаго Отдѣленія. Кромѣ всего этого о. Константинъ всегда принималъ живое и дѣятельное участіе при постройкѣ Соборнаго Храма и его украшенія, для котораго онъ своею блистательною рѣчью, при собраніи послѣ освященія престола въ правомъ придѣлѣ Собора, вызвалъ къ щедрымъ пожертвованіямъ присутствовавшихъ, подписавшихъ злѣе же болѣе 2-хъ тысячъ руб. на живописное украшеніе храма, которое въ настоящее время уже и исполняется, потребовавъ для сего весьма значительную, болѣе 12 тыс., сумму за написаніе 60 священныхъ изображеній, сложныхъ по своему сюжету и украшеніе стѣнъ Храма орнаментами. Видимо граждане гор. Сердобска, изъ любви къ благолѣпію Храма Божія, не скупятся жертвовать для сего значительную сумму и, изъ желанія произвести роспись стѣнъ храма въ возможно лучшемъ видѣ, уполномочивали о. Константина, въ сообществѣ городского головы и церковнаго старосты, съѣздить въ Москву для ознакомленія съ живописными работами въ храмахъ ея и для присканія мастера-подрядчика по этому ремеслу.

Честь и слава доброму, неутомимо трудолюбивому Пастырю о. Константину Гавриловичу, такъ много работавшему по церкви и приходу г. Сердобска.

Сердобскій жителецъ

*) Не рѣдко были случаи приглашенія о. Константина для служенія въ дома не его прихода, что онъ охотно исполнялъ, разумеется съ согласія приходскаго священника.